

18+

Марьяна Легенда

МЕЖДУ
ЧАЕМ
И
МОРЕМ

Марьяна Легенда

Между чаем и морем

«Издательские решения»

Легенда М.

Между чаем и морем / М. Легенда — «Издательские решения»,

Десять лет Линь заваривала чай в ханчжоуской чайной и прятала свою силу. Пока однажды в пруду не увидела чужое отражение — женщину с тёмными глазами, а на камне не нашла красную шёлковую нить. Теперь Линь идёт по следу нити — через лавку между мирами, через сны о пиратских кораблях, через таможеню, где души переправляют контрабандой, а снег идёт из лепестков сакуры. Но кто на самом деле дёргает за другой конец? Две женщины. Два мира. Одна таможня. И выбор, который изменит всё.

© Легенда М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Взгляд сквозь тайну	6
Глава 2. Лавка между мирами	10
Глава 3. Голос артефакта	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Между чаем и морем

Марьяна Легенда

© Марьяна Легенда, 2026

ISBN 978-5-0070-7737-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Черная вода сомкнулась над головой, но тонуть было некому.

Линь падала сквозь толщу холодного мрака, пока ноги не ударились о твердые, скользкие доски. Бесконечный деревянный причал уходил в серую дымку, теряясь в никуда. Вдоль него горели фонари, но их пламя застыло, словно куски янтаря. Небо висело низко, тяжелое и слепое, и с него падал снег.

Линь протянула ладонь. Крупный хлопья коснулся кожи, но не растаял. Он превратился в бледно-розовый лепесток сакуры. Мгновение лежал на коже — и рассыпался в прах. Снегопад из мертвых цветов шел ровно и бесшумно, как песок в часах.

Впереди, в мареве серой пыли, проступал силуэт павильона. Резные колонны, черепичная крыша с загнутыми углами. Над входом висела вывеска, густо покрытая розовым снегом. Линь смахнула его рукой. Под слоем мертвых лепестков проступили выцветшие иероглифы:

«Пограничная таможня. Отдел душ. Вход по предъявлению».

Линь толкнула тяжелую деревянную дверь. Внутри пахло старой бумагой, остывшим чаем и морем.

...А за минуту до этого она просто проснулась в чайной «Журавль и сосна», на восточной окраине Ханчжоу, где городские улицы уступали место бамбуковым рощам.

Глава 1. Взгляд сквозь тайну

Линь проснулась за минуту до того, как колокол храма Цинлянь отбил пятый час утра.

Она всегда просыпалась раньше колокола. Не потому что хотела, не потому что ей нравилось встречать рассвет. Просто сон её был чутким, как у кошки, спящей на пороге чужого дома. За десять лет работы в чайной «Журавль и сосна» Линь привыкла вставать затемно, и тело запомнило этот ритм крепче, чем помнило лицо матери.

Она откинула одеяло, спустила ноги на циновку. Солома пахла сухой травой и летом, которого больше нет. Линь потянулась к кувшину с водой, плеснула в лицо. Холод пробежал по коже, прогнал остатки сна. В маленьком бронзовом зеркале, подвешенном к стене, отразилось лицо — узкое, скуластое, с тёмными глазами, в которых редко появлялась улыбка. Линь не задержалась у зеркала. Она никогда не задерживалась.

Чайная «Журавль и сосна» стояла на восточной окраине Ханчжоу, там, где городские улицы уступали место бамбуковым рощам и рисовым полям. Два этажа, деревянные колонны, крыша с загнутыми краями — такими, что капли дождя срывались с них особенно звонко. Линь служила здесь с двенадцати лет, когда дядя продал её хозяину за долг в три лян серебра. Хозяин, господин Вэй, был человеком не злым, но и не добрым — он был человеком дела. Линь мыла полы, перетирала чайную утварь, раздувала угли в жаровне, подавала гостям. Через два года ей доверили заваривать чай. Через пять — она знала все сорта, все сезоны сбора, все оттенки вкуса, которые можно извлечь из листа правильной температурой воды. Ещё через три года господин Вэй сказал: «Ты моя правая рука, Линь. Если бы ты была мужчиной, я бы сделал тебя партнёром». Линь поклонилась и ничего не ответила. Она знала, что значит быть женщиной в этом мире, и знала, что слова о партнёрстве — лишь слова.

Но работа была хорошая. Работа была тем, что держало её на плаву.

К полудню чайная наполнилась посетителями. Купцы с Большого канала, пришедшие обсудить цены на шёлк и фарфор. Пара чиновников в тёмных халатах с квадратными нашивками на груди — они пили «Лунцзин» и говорили вполголоса о податях и проверках. Монах из храма Линьинь, бритый, в серой рясе, заказал простой зелёный чай и сидел в углу, перебирая чётки. Два студента спорили о поэзии эпохи Тан, и Линь уловила обрывок строки: «Луна в воде — как нефрит, разбитый о камень». Строка была красивой, но неточной: разбитый нефрит не плавает на поверхности, он идёт ко дну.

Линь двигалась между столиков бесшумно, как тень облака по воде. Подливала кипяток, убирала пустые чашки, подносила свежие заварники. Её руки помнили каждое движение, и ей не нужно было думать о них. Голова оставалась свободной. Свободной для чего — Линь не знала. Может быть, для ветра за окном. Может быть, для криков уличных торговцев. Может быть, для пустоты.

— Линь, — окликнул её господин Вэй. — Завари «Тегуаньинь» для господина Чжао. И проследи, чтобы вода была ровно с паром, не кипела.

— Слушаюсь, — ответила Линь.

Она взяла чайник, глиняный, тёмно-коричневый, с крышечкой, притёртой так плотно, что та не падала, даже если чайник перевернуть. Насыпала листья — скрученные, тёмно-зелёные, пахнущие орхидеей. Залила водой. Пар поднялся к лицу, и на мгновение Линь замерла.

В паре всегда было что-то странное. Что-то такое, чего не уловить взглядом, но можно почувствовать кожей. Линь казалось, что в паре над чашкой чая есть тени. Не отражения, не дым — именно тени, лёгкие, бесплотные, которые исчезали, стоило взглянуть пристальнее. Она никогда не говорила об этом. Её и без того считали странной.

Вечером Линь мыла полы. День закончился, посетители ушли, господин Вэй запер кассу и удалился в свою комнату на втором этаже. В чайной стало тихо, только сверчок пел где-то под порогом да ветер шевелил бамбуковые шторы. Линь терла доски мокрой тряпкой и думала о том, что завтра будет такой же день, как сегодня. Послезавтра — такой же. Через год — почти такой же. Разница будет лишь в том, какой чай подавать и какие лица будут смотреть на неё поверх чашек.

Она закончила уборку и вышла во двор. Луна стояла высоко, круглая и белая, как нефритовая тарелка, забытая кем-то на чёрном бархате неба. Бамбук шелестел у забора. Где-то далеко, в той стороне, где был храм Цинлян, ударил колокол — один раз, отмечая полночь.

Во дворе был пруд. Небольшой, обложенный камнем, с кувшинками, которые закрыли свои цветы на ночь. В пруду жили два карпа — старые, толстые, подаренные господину Вэю каким-то торговцем. Линь иногда кормила их остатками риса и смотрела, как они лениво шевелят плавниками в тёмной воде.

В этот раз она подошла к пруду и остановилась у края. Вода была неподвижна, как зеркало. В ней отражалась луна — и ещё что-то. Линь наклонилась.

Отражение не было её отражением.

Из воды на неё смотрело другое лицо. Женское, но старше, с резкими скулами и тёмными, почти чёрными глазами, в которых не было ни страха, ни удивления, ни тепла. Одежда на женщине была странная — тёмная куртка, перехваченная широким поясом, и на поясе что-то блестело. Женщина сидела, скрестив ноги, на каком-то бочонке или тюке, и её пальцы касались груди — там, где под тканью угадывался какой-то предмет на шнурке.

Линь смотрела, не мигая. Женщина в воде тоже смотрела. Её губы были плотно сжаты, брови чуть сдвинуты — не в гневе, а скорее в пристальном внимании. Казалось, она оценивает Линь, как оценщик оценивает товар.

— Кто ты? — прошептала Линь.

Женщина не ответила. Её пальцы сжали предмет на груди, и Линь вдруг увидела, что это пуля. Сплюснутая свинцовая пуля в серебряной оправе, висящая на простом пеньковом шнурке. Линь никогда не видела такого талисмана, но почему-то поняла, что это именно талисман.

Отражение дрогнуло. По воде пошла рябь — хотя ветра не было. Женщина в пруду чуть склонила голову набок, и в этом движении было что-то такое знакомое, что у Линь перехватило

дыхание. Она узнала этот наклон. Она сама так делала, когда слушала особенно надоедливую гостью.

Вода снова дрогнула. Карп плеснул хвостом в глубине, и круги пошли по поверхности, разбивая луну и женщину на сотню осколков.

Линь моргнула.

Вода была чиста. Только луна. Только тёмное небо. Только её собственное лицо — узкое, скуластое, с приоткрытым от изумления ртом.

Линь выпрямилась. Сердце колотилось где-то у горла. Она оглядела двор — никого. Бамбук всё так же шелестел, сверчок всё так же пел. В доме было темно, господин Вэй спал.

Ей показалось. Конечно, показалось. Усталость после долгого дня, да ещё эта духота, да ещё луна, которая всегда действует на голову, если смотреть на неё слишком долго. Линь потёрла глаза, глубоко вздохнула и пошла к двери.

Но прежде чем войти в дом, она обернулась. Пруд был тих. Луна лежала на воде, круглая и белая. И всё же Линь не могла отделаться от мысли, что женщина в отражении смотрела на неё не как чужая. Она смотрела как кто-то, кто знает Линь. Как кто-то, кто ждал этой встречи.

— Глупости, — сказала Линь вслух.

Звук собственного голоса немного успокоил её. Она вошла в дом, закрыла дверь, легла на циновку. Сон пришёл быстро — как всегда, за минуту до того, как она успела о чём-то подумать.

Наутро колокол храма Цинлян отбил пятый час, и Линь проснулась. Она не помнила своего сна. Она вообще редко помнила сны — они утекали из памяти, как вода сквозь пальцы. Только одно воспоминание осталось, смутное и зыбкое: чьи-то глаза, тёмные и спокойные, и холодок металла на груди.

Весь день Линь работала. Подливала чай, убирала посуду, улыбалась гостям одними губами. Всё было как обычно. Кроме одного: она поймала себя на том, что иногда касается пальцами груди — там, где под тканью халата не было ничего. Касается и отдёргивает руку, словно обжёгшись.

Она не знала, что означает этот жест. Она не знала, что означает женщина в пруду. Она не знала, что связывает их — девушку из чайной в Ханчжоу и ту, другую, что сидит на бочонке и смотрит в воду. Но где-то глубоко, под слоями усталости и привычек, под коркой прожитых лет, Линь чувствовала: что-то началось. Что-то, чему она ещё не знала названия.

Ночью она снова вышла к пруду. Вода была тиха. Отражение молчало. Но Линь заметила кое-что: у самого края, на мокром камне, лежала нить. Тонкая, красная, едва заметная. Она тянулась от воды куда-то в темноту, и конец её терялся в бамбуковых зарослях.

Линь наклонилась и подняла нить. Красный шёлк. Тёплый на ощупь. Она обмотала его вокруг пальца, и нить чуть дрогнула — словно кто-то потянул за другой конец.

Линь не стала тянуть в ответ. Она размотала нить, спрятала в рукав и вернулась в дом. Засыпая, она думала: если нить тянется от воды, значит, вода и вправду граница. Если нить красная — это судьба. А если нить судьбы уже в твоих руках, значит, выбор сделан за тебя. Остаётся только ждать, куда она приведёт.

Колокол храма Цинлянь молчал. Ночь ещё не кончилась.

Глава 2. Лавка между мирами

Утро началось с крика. Не с колокола храма Цинлян, не с привычного шороха бамбука за окном, а с пронзительного вопля господина Вэя, который обнаружил, что в чайной закончился «Лунцзин» первого сбора.

Линь стояла у жаровни и перетирала чашки, пока хозяин носился по первому этажу, размахивая пустым бумажным пакетом так, словно это был вражеский флаг.

— Весь вышел! Вчера ещё был! Сегодня нет! Как я буду подавать этим чиновникам из управы воду из-под риса?

— Вода из-под риса им бы и так подошла, — негромко сказала Линь.

Господин Вэй замер на полушаге. Сверчок, певший под порогом, осёкся. Тишина продлилась ровно три удара сердца, а потом хозяин фыркнул — и Линь поняла, что пронесло.

— Остра на язык ты сегодня, — буркнул Вэй. — Сходи к старику Вану, возьми у него «Лунцзина». Только не бери прошлогоднего, он прошлогодний подкрашивает.

Линь поклонилась, отставила тряпку и вышла.

Улица встретила её криками разносчика, продававшего бамбуковые палочки для еды. Солнце поднялось над крышами, но воздух ещё не прогрелся, и от каналов тянуло прохладой — той особенной утренней прохладой Ханчжоу, от которой кажется, что город плывёт по воде, как лепесток лотоса. Линь шла быстро, привычно огибая корзины торговцев и лужи, оставшиеся после ночного дождя. Вчерашняя красная нить лежала в рукаве, и хотя она была почти невесомой, Линь помнила о ней постоянно. Как помнят занозу, которая ещё не болит, но уже там.

Лавка старика Вана стояла на углу улицы Сливовых Цветов и переулка Трёх Фонарей. Старое двухэтажное здание с почерневшими от времени балками и вывеской, на которой когда-то золотом было написано «Чай со всех концов Поднебесной». Теперь золото облупилось, и надпись читалась с трудом, но старый Ван не спешил обновлять её. Он вообще никуда не спешил.

Линь толкнула дверь. Колокольчик звякнул, и навстречу ей из полумрака выплыл запах — терпкий, пряный, с нотой плесени и чего-то неуловимо сладкого, похожего на сушёную хурму.

— А, это ты, — проскрипел Ван. Он сидел за прилавком, похожий на старую черепаху, втянувшую голову в панцирь из шерстяных халатов. — За «Лунцзином»?

— Откуда вы знаете?

— Твой хозяин всегда присылает тебя за «Лунцзином», когда у него кончается. А кончается у него раз в две недели, потому что он не умеет считать.

Линь не улыбнулась, но в уголках её глаз что-то дрогнуло. Ван достал с полки бумажный пакет, перевязанный пеньковой верёвкой, и положил на прилавок. Потом склонил голову набок, и его маленькие глаза блеснули из-под морщинистых век.

— Ты сегодня другая.

— Я сегодня та же, что вчера.

— Вчера ты не носила в рукаве красную нить.

Линь вздрогнула. Старый Ван усмехнулся беззубым ртом.

— Не смотри так. Я старый торговец чаем, а старые торговцы чаем видят то, чего не видят молодые. Чайный лист рассказывает о том, кто его пьёт. А красная нить... — он помолчал. — Красная нить рассказывает о тех, кто связан.

Линь взяла пакет с «Лунцзином» и положил на прилавок монеты — ровно столько, сколько всегда. Ван монеты не пересчитал.

— Будь осторожна с тем, что нашла, — сказал он вдруг. — Не всё, что блестит в воде, — луна. Иногда это зубы дракона.

Линь поклонилась и вышла. Уже на улице она поняла, что старик не сказал «до свидания». Он сказал «будь осторожна» — так говорят тому, кто уходит надолго.

День тянулся, как патока. Линь заваривала чай, подавала чашки, вытирала столы, выслушивала разговоры посетителей. К вечеру она чувствовала себя так, словно её выжали, как тряпку. Но когда последний гость ушёл и господин Вэй удалился наверх, Линь не легла спать. Она накинула куртку, проверила, что красная нить по-прежнему лежит в рукаве, и вышла со двора через заднюю калитку.

Улица Сливовых Цветов была пуста. Луна стояла высоко, ночь была тиха — даже сверчки молчали. Линь шла, сама не зная куда. Ноги несли её, как вода несёт лепесток. Мимо знакомых лавок, мимо храма с закрытыми воротами, мимо канала, в котором отражались звёзды. Город спал, и в этом сне Линь была единственным бодрствующим существом.

На углу улицы Трёх Фонарей она остановилась. Здесь, рядом с лавкой Вана, было ещё одно здание — то, которого она никогда не замечала. Над дверью висела вывеска, но надпись на ней была сделана иероглифами, которые Линь никогда не видела, — они казались древними, написанными не кистью, а когтем.

Линь остановилась. Дверь была там, где ещё вчера была глухая стена, поросшая мхом, — теперь мох расступился, обнажив тёмно-красный лак и бронзовую ручку в форме головы цилиня. Линь не верила в чудеса, но верила в то, что если незнакомая дверь появляется на знакомой улице в час, когда даже сверчки молчат, — значит, она появилась не для того, чтобы мимо неё прошли. Она толкнула дверь.

Дверь открылась беззвучно, словно ждала именно её и не хотела будить улицу. Ни скрипа, ни натужного вздоха старых петель — только лёгкое движение воздуха. Линь шагнула через

порог и сразу замерла, давая глазам привыкнуть. Помещение тонуло в полумраке, но это был не мрак заброшенного дома — скорее, густой сумрак храма перед рассветом. Единственным источником света был масляный светильник на прилавке, и его огонёк, крошечный и острый, как рыбий плавник, выхватывал из темноты то один предмет, то другой: край фарфоровой чашки с трещиной, угол бронзового зеркала, пыльный веер из серых перьев. Линь стояла неподвижно и слушала. Тишина здесь была иной, чем снаружи, — не пустой, а наполненной, как если бы все эти вещи затаили дыхание при её появлении. Где-то в глубине лавки едва слышно тикало — не часы, а что-то другое, с неровным, спотыкающимся ритмом. Линь прикрыла глаза и только теперь вдохнула полной грудью.

Внутри пахло старым деревом, ладаном и чем-то ещё — металлическим, как кровь, и солёным, как море. Помещение было небольшим, заставленным полками от пола до потолка. На полках лежали и стояли предметы: фарфоровые чашки с трещинами, старые монеты, веера из журавлиных перьев, нефритовые фигурки богов, бронзовые зеркала, в которых ничего не отражалось, бамбуковые свитки, перевязанные шёлком. У стены стоял сундук с резьбой, изображавшей дракона, кусающего собственный хвост.

— Доброй ночи, — сказал кто-то.

Линь повернулась. За прилавком, на противоположной стороне от светильника сидела женщина. Ей могло быть сорок, а могло и четыреста — лица было почти не разобрать под слоем белой пудры. На женщине был красный халат с золотым шитьём, в ушах покачивались серьги из зелёного нефрита. Она улыбалась — спокойной, отсутствующей улыбкой, как Будда в храме Линьинь.

— Я не знала, что здесь есть лавка, — сказала Линь.

— Эта лавка есть не для всех, — ответила женщина. — Вернее, для всех, но не все её видят. Ты видишь, потому что у тебя в рукаве красная нить. Покажи.

Линь вытащила нить и положила на прилавок. Женщина наклонилась, разглядывая её, но не прикоснулась.

— Судьба, — сказала она. — Чужая судьба. Ты нашла её у пруда?

— Да.

— Значит, она твоя. Чужие судьбы просто так не находят. Их приносит водой, а вода не ошибается. Ты знаешь, куда она ведёт?

— Нет.

Женщина откинулась назад и посмотрела на Линь долгим взглядом.

— Здесь у нас много вещей. Каждая чего-то хочет. Вот эта кисть, — она показала на кисть для каллиграфии, лежавшую на бархатной подушечке, — дописывает стихи, которые автор не смог закончить. Она не выносит незавершённости. Терпеть не может. А вон та монета, — палец с длинным ногтем указал на монету с квадратным отверстием посередине, — всегда

падает решкой. Всегда. Кроме тех случаев, когда её хозяин врёт. Она хочет правды. Монета, которая хочет правды, — смешно, правда?

Женщина засмеялась, и смех у неё был похож на звон фарфоровых колокольчиков.

— Но твоя нить, — продолжила она, — привела тебя не к ним. Она привела тебя к чему-то другому. Подожди.

Женщина встала и скрылась в глубине лавки. Линь слышала, как она перебирает что-то на полках, что-то роняет, что-то бормочет. Потом она вернулась и положила на прилавок предмет.

Это был ключ.

Совсем маленький, с мизинец длиной, сделанный из тёмной бронзы. Головка ключа была отлита в форме распустившегося пиона, а бородка представляла собой сложный узор из линий и изгибов. Ключ был старым, очень старым — такие делали ещё при династии Мин, а может, и раньше. К кольцу на головке была привязана красная шёлковая нить — точно такая же, как та, что лежала на прилавке.

Линь подняла глаза. Впервые хозяйка лавки не улыбалась.

— Я знаю про все вещи в этой лавке, — сказала она. — Знаю, чего они хотят, чего боятся, какой у них голос. Эта кисть хочет завершённости. Та монета боится лжи. Зеркало в углу хочет показывать не лица, а мысли, но боится, что мысли ему не понравятся. А этот ключ... — она замолчала. — Этот ключ молчит. Я не слышу его голоса. Он не хочет ничего — или хочет чего-то такого, чего я не понимаю. Он ждал тебя. Когда ты вошла, он упал с полки. Сам.

Линь смотрела на ключ. Тот лежал на прилавке, тёмный и тусклый, и в его бронзовых гранях отражался свет масляной лампы.

— Он тебя выбрал, — сказала женщина. — Или ты его. С красной нитью никогда не знаешь наверняка.

Линь протянула руку. Её пальцы сомкнулись на ключе, и в этот миг что-то произошло. Снаружи, за дверью лавки, внезапно зашумел ветер. Потом хлынул дождь — сильный, прямой, падающий с неба, как бамбуковые стрелы. Линь вздрогнула, но не разжала пальцев. Ключ был холодным — холоднее, чем должен быть металл, пролежавший в помещении неизвестно сколько лет.

— Природа откликается, — сказала женщина почти шёпотом. — Посмотри.

Линь обернулась. Через открытую дверь она видела, как дождь хлещет по мостовой, как капли разбиваются о камни, как вода поднимается в канале. Но дождь был не простой. Капли, падавшие рядом с порогом лавки, застывали в воздухе на мгновение и меняли форму, становясь крошечными рыбами, птицами, драконами — а потом снова становились водой и падали вниз.

— Ты боишься? — спросила женщина.

Линь молчала. Она смотрела на ключ в своей руке, и где-то в глубине её сердца происходило то, чему она не знала названия. Возможно, это было то, что чувствует семя, когда трескается его оболочка и корень уходит в тёмную землю.

— Ключ ничего не боится, — сказала хозяйка лавки. — А ты?

Линь разжала пальцы и посмотрела на ключ. Потом снова сжала.

— Нет, — сказала она.

Дождь за дверью стих так же внезапно, как начался. Ветер улёгся. Вода в канале опустилась. Над крышами Ханчжоу снова возшла луна — круглая, белая, равнодушная ко всему.

— Иди, — сказала женщина. — Красная нить привела тебя сюда, ключ поведёт тебя дальше. Только помни: ключ открывает не любую дверь. Он открывает только ту, которую ты сама боишься открыть. И ещё — он не гарантирует, что тебе понравится то, что за ней.

Линь положила ключ в рукав, туда же, где лежала красная нить. Два предмета, найденные в двух разных мирах, теперь лежали рядом, и от них по телу разливалось странное тепло.

— Спасибо, — сказала Линь.

— Не благодари меня. Я всего лишь подаю то, что просят. Или то, что просит тебя.

Линь вышла из лавки. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком, и когда она обернулась, на месте лавки была глухая стена, заросшая мхом. Ни вывески, ни бронзовой ручки в форме головы цилиня. Только луна, только мокрая мостовая.

Линь шла домой по пустым улицам. В рукаве лежали два предмета: нить, ведущая неизвестно к кому, и ключ, открывающий неизвестно что. Она не знала, что делать с ними. Она не знала, куда идти дальше. Но впервые за много лет Линь чувствовала: завтрашний день не будет таким же, как вчерашний.

А когда она проходила мимо пруда во дворе чайной, вода дрогнула. По поверхности пошла рябь — хотя ветра не было. И на мгновение Линь показалось, что из глубины на неё снова смотрит та женщина с тёмными глазами. Только теперь она не просто смотрела. Она едва заметно кивнула.

Линь кивнула в ответ и вошла в дом. Колокол храма Цинлян молчал — до рассвета было ещё далеко. Красная нить в рукаве дрогнула, словно кто-то потянул за другой конец. Ключ лежал неподвижно и ждал своего часа. Он не хотел ничего. Он просто знал: его час придёт.

Глава 3. Голос артефакта

Три дня Линь носила ключ в рукаве и никому не показывала.

Днём она заваривала чай, двигалась между столиков, улыбалась одними губами и ловила себя на том, что пальцы левой руки то и дело сжимаются вокруг бронзового стерженька. Ключ был холодным по утрам и теплел к вечеру. Иногда он казался легче пёрышка, иногда — тяжелее нефритового бруска. Линь не могла понять, от чего это зависит. Может, от её усталости. Может, от чего-то другого.

Господин Вэй заметил, что с ней что-то не так. Он ничего не сказал, но однажды положил рядом с жаровней лишнюю чашку «Лунцзина» — лучшего, первого сбора, того самого, за которым Линь ходила к старику Вану. Это был хозяйский способ выразить беспокойство. Линь выпила чай. Чай был горьким — или ей так показалось.

На четвёртую ночь Линь не выдержала.

Она дождалась, пока господин Вэй затихнет наверху, пока сверчок под порогом допоёт свою песню, пока луна поднимется над бамбуковой рощей и зальёт двор серебряным светом. Потом села на циновку, скрестив ноги, и вытащила ключ из рукава.

Он лежал на ладони — маленький, тёмный, с головкой в форме пиона. В лунном свете бронза казалась почти чёрной. Красная шёлковая нить, привязанная к кольцу, свисала вниз и терялась в складках одеяла.

— Что ты такое? — спросила Линь шёпотом.

Ключ молчал.

Линь поднесла его ближе к глазам. Бородка ключа была покрыта мелкими насечками, и если смотреть под определённым углом, они складывались в узор, напоминающий волну. Или змею. Или дракона, кусающего собственный хвост — такой же, как на сундуке в лавке. Линь провела пальцем по насечкам, и ей показалось, что металл дрогнул.

— Ты можешь говорить? — спросила она.

И ключ ответил.

Это не было похоже на человеческий голос. Скорее на звон — далёкий, очень далёкий, словно кто-то ударил в бронзовый колокол на другом берегу озера Сиху. Звон родился не в ушах, а где-то внутри — в груди, в костях, в корнях зубов. Линь вздрогнула, но ключ из руки не выпустила.

«Ты хочешь знать, что я открываю», — прозвенел голос. Он был низким и медленным, как течение большой реки в сезон дождей. — «Но ответ тебе не понравится».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.